

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

МИХАИЛ
ПЫЛЯЕВ

Старый Петербург

МОСКВА
2024

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)
П94

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

В оформлении переплета использованы
фрагменты работы художника *Александра Бенуа*

Пыляев, Михаил Иванович.

П94 Старый Петербург / Михаил Пыляев. — Москва :
Эксмо, 2024. — 480 с. — (Всемирная литература (с кар-
тинкой)).

ISBN 978-5-04-192971-8

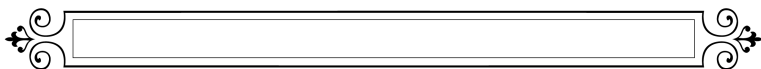
Михаил Иванович Пыляев (1842–1899) — русский писатель,
краевед и журналист.

Книга «Старый Петербург» посвящена истории и облику Се-
верной столицы в XIX веке. Автор детально рассказывает о зда-
ниях и парках Петербурга, о людях, которые здесь жили и ра-
ботали, выдающихся событиях, случившихся в городе на Неве.
Пыляев собрал интересные факты, воспоминания старожилов,
информацию из частных архивов и книг. Книга будет интересна
всем, кто увлекается историей Петербурга, искусством и архитек-
турой.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

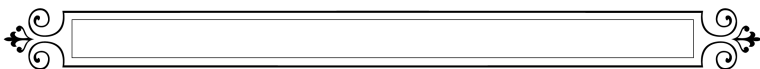
ISBN 978-5-04-192971-8

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ОТ АВТОРА

В настоящей книге собраны сведения об истории и жизни Петербурга в конце XVIII и начале XIX столетия. Источниками для нашего труда служили не одни только русские и иностранные сочинения, подробно указанные в конце книги, но и изустные рассказы петербургских старожилов.

ГЛАВА I

Петербургский край до основания столицы. — Ландскрона. — Новгородские погосты в пределах нынешнего Петербургского уезда. — Дубовые леса на островах. — Прозвища первых новгородских поселенцев. — Клады. — Торговый город Ниеншанц. — Шведские фермы в черте нынешней столицы. — Насильственные меры против православия. — Племя воль и идолопоклонство. — Взятие Ниеншанца. — Пленные шведы. — Охта. — Основание Санкт-Петербурга. — Пути и дороги к возникающему городу. — Первые строения. — Усиленное заселение города. — Жилища поселенцев. — Рабочий день Петра I. — Дворцы сановников царя. — Улицы. — Летний сад. — Адмиралтейство. — Первый корабль «Полтава». — Численность Петровского флота. — Адмиралтейство в последующие эпохи. — Перестройка здания Адмиралтейства при Александре I.

С первых лет существования Древней Руси местность, где лежит теперь Петербург, входила в состав обширной Новгородской области. Летописец Нестор говорит, что по Неве¹ ходили новгородцы в Варяжское море, а там и до Рима. В 1300 году, в самый Троицын день, на берега Невы приплыл с войском и с итальянским архитектором, присланным от самого папы, шведский маршал Торкель и основал там крепость Ландскрона (Венец края) на месте, где теперь стоит Александро-Невская лавра. Такое опасное соседство шведов сильно встревожило новгородцев, и не прошло года, как на призыв последних прибыл из

Суздаля великий князь и уничтожил шведское поселение. В летописях находим², что в 1348 году двинулась против Орешка шведская флотилия под предводительством короля Магнуса. Войдя в устье Невы, король остановился на Березовом острове (нынешняя Петербургская сторона) и отправил отсюда гонцов в Новгород о присылке «философов» для препирательства о вере. Более двухсот лет после того новгородцы владели этою местностью. В обыскных, платежных и оброчных книгах XVI и XVII столетий находим, что вся местность, лежащая узкою полоскою по обеим сторонам Невы, вплоть до Финского залива, составляла погост Спасский и Городенский и была присуд, или округ, ведомства города Орешка (Шлиссельбурга). Все же острова, составляемые протоками Невы при ее устье, у новгородцев носили название Фомени, от испорченного финского слова *tamminen* — «дубовый». Вероятно, в старину в здешних лесах дуб составлял редкость; на петербургских же островах он встречался во множестве, о чем свидетельствуют еще до сего времени растущие на Елагином и Каменном островах пятисотлетние огромные дубы. Из книг новгородских видно, что в волости государевой на Фомени состояло пришедших в запустение 35 обж¹, или 525 десятин, пахотной земли.

Вот прозвища русских жителей, обитавших в пределах нынешнего Петербурга: Вергуцины, Гаврилкины, Звягины, Мишкины, Омельяновы. В отказных и обыскных книгах 1587 года сказано: «В прошлых годах ореховский наместник и воевода князь Богдан Гагарин послал Будашева на государеву службу в подъезд под немецкие люди в Ижерский погост, и тут взяли его в полон немецкие люди свейские». Там же написано: «Усадище, где живал

¹ Обжа — единица площади для поземельного налога, равнялась площади земли, вспахиваемой с помощью одной лошади в течение одного дня.

Субота Похабный на Неве-реке, на паруге (пороге), двор выжгли немецкие люди, как шли под Орешек».

Об исторической былой жизни этой местности тоже свидетельствуют найденные в земле в разные времена серебряные монеты, битые в VIII и XI веках. Так, в 1797 году в Галерной гавани вырыт был котелок с монетами, битыми около 780 года; одна из этих монет, доставленная С. М. Усову, была выбита в правление третьего халифа аббасидов, Мегди. В 1799 году, при истоке Невы, найден был сосуд с серебряными монетами арабскими. В 1809 году на берегу Ладожского озера рыбак отрыл в земле целую бочку серебряных куфических монет весом несколько пудов. Вот как описывали эту находку газеты: «Крестьянин г-жи Бестужевой в 12 верстах от устьев Волхова увидел однажды, что дерево, к которому он привязывал свой челнок, вырвано бурей; желая прикрепить челн к корням дерева, он заметил, что земля под ним подмыта и унесена волнами; вглядываясь, он поражен был изумлением, увидев вдруг множество серебряных монет; при осмотре он увидел, что здесь была закопана бочка денег и дерево посажено над нею, как знак для отыскания. Дважды должен был крестьянин возвращаться на своей ладье для перевозки клада в деревню. Скоро о находке проведала земская полиция и помещица. Крестьянин должен был часть возратить и отдал семь пудов серебра, оставив, вероятно, при себе большее количество, потому что чрез несколько лет выкупился сам и, выкупив семью, переехал в Тихвин, купил там дом и завел торговлю. Клад этот, к сожалению, перешел в плавильные горшки».

В 1616 году знаменитый шведский полководец Яков Делагарди представил королю Густаву II Адольфу, что недурно было бы возобновить крепость на Неве и заложить город при устье Охты. (В обыскных книгах 1586 года говорится: «Пустошь Корабельница, верхняя Ахкуя и нижняя Ахкуя», т. е. верхняя и нижняя Охта; по-фински река Охта

называется Оха-иоки.) Мысль Делагарди была осуществлена только после утверждения Столбовского договора (27 февраля 1617 года), и вскоре после того, в 1632 году шведы поставили, где находился некогда русский торговый городок Ниен, разграбленный и опустошенный в 1521 году морскими разбойниками, новое укрепление Ниеншанц; русские называли это место Канцы. По словам современников, в Ниеншанце было много превосходных пильных заводов и там строились хорошие и красивые корабли; помимо шведского, финского и немецкого прихода, в нем находился и православный с церковью. От Ниеншанца ходил паром на левый берег Невы, к лежащему здесь русскому селению Спасскому, названному на шведской карте также Сабиною и находившемуся там, где теперь Смольный монастырь.

Миллер³ говорит: «Не один Любек, но и Амстердам стал с Ниеншанцем торги иметь; водяной путь оттуда до Новгорода весьма тому способствовал; словом, помалу и российское купечество в Ниеншанц вошло и привело сие место в такую славу, что в последние годы один тамошний купец, прозванный Фризиус, шведскому королю Карлу XII в начале войны с Петром Великим мог взаймы давать немалые суммы денег, за что после пожалован был дворянством, и вместо прежнего дано ему прозвание Фризенгейм, и учинен судьею в Вильманстранде». Ниеншанц вскоре после отстройки выгорел почти дотла. На том месте, где теперь раскинулась столица с ее окрестностями, по шведскому плану, составленному в 1676 году, известно около 40 населенных местечек; вот некоторые из этих мест: где теперь Невская лавра, местность названа Rihtiowa; местность между Невою и Мойкою носит имя Usadissa-saari; Sabola показана в нынешней Рождественской части; где кладбище Волково, местность названа Antolala; Выборгская часть Петербурга названа Avista; между Мойкою и Фонтанкою место названо Peryka-saari, т. е. зем-

ля, смешанная с навозом; старинное имя реки Фонтанки забыто, но есть основание, что имя Кеме принадлежит Фонтанке, — слово «кеме» значит по-фински «крутобережье»; деревня Кеме-joki находилась до основания Петербурга на левом берегу Фонтанки, около теперешних казарм Измайловского полка; прилежащий к Петербургской стороне Аптекарский остров на карте 1676 года написан Kogri-saagi и удерживает и посейчас свое древнее имя на речке Карповке, — по-фински Kogri — необитаемый, пустынный лес. Имя Голодай происходит от финского halawa — ивовое дерево; по новгородским записям, Голодай назван Галевой; Лахта, по-фински lahti — залив. На месте нынешней Гагаринской пристани была Враловщина деревня, у Прачечного моста в нынешнем Летнем саду — Парвушина, или Кононова, мыза и т. д. Существующий теперь перевоз от Смольного на Большую Охту остался неизменным с 1676 года. Известно, что русский язык был довольно распространен во время шведского владычества: король учредил даже в Стокгольме русскую типографию с целью печатать и распространять между православными жителями Карелии и Ингерманландии лютеранские духовные книги частию в русском переводе, а частию на финском языке, но все же напечатанные славянскими буквами, как более известными православному духовенству⁴. Позднее шведское правительство приняло насильственные меры против православия и стало склонять насильно вступать в лютеранскую веру. Все эти насильственные меры произвели между православным народонаселением Ингерманландии сильное неудовольствие, особенно племя водь оказало большое сопротивление, и многие обратились с жалобами к русскому правительству, которое, путем дипломатических сношений, потребовало соблюдения условий мирного договора касательно свободы веры в уступленных Швеции областях⁵.

По словам летописцев, в XVI веке в Вотской и Ижорской земле многие держались крепко язычества. Так, в некоторых местах существовали «скверные мольбища идольские, поклонялись лесам, горам, рекам, приносили кровные жертвы, закалывали собственных детей» и т. д. Новгородский архиепископ Макарий прилагал большие старания об истреблении язычества; посланный им инок Илья порубил и сжег священные рощи, потопил обожаемые камни и много «разорил злых обычаев», как говорит летописец. В числе таких языческих святых мест долго считалось место в 10 верстах от Петербурга, по Рижской дороге⁶, где стояла большая липа, ветви которой переплелись со стволами ближайших деревьев, так что составляли природную беседку, в которой нередко и Петр Великий отдыхал. На этом месте собирались ижорки на Иванов день и проводили ночь при большом огне, с плачем, пением и пляской; в конце собрания здесь сжигали белого петуха, делая заклинания.

В апреле 1703 года русские войска под командой Шереметева обложили Ниеншанц; сам Петр I принимал участие в осаде. Город сдался Шереметеву 1 мая и был переименован Петром в Шлотбург. Спустя 11 лет после осады ездил осматривать его нарочно мекленбургский посланник Вебер и нашел там только несколько развалин, глубокие рвы, колодцы, подвальные ямы; все же строительные материалы из разрушенных домов пошли на постройку петербургских зданий. После взятия Ниеншанца большая часть жителей уведена в плен. Незамужние женщины, по словам Вебера, поступили в услужение к царице и придворным дамам и впоследствии времени выданы замуж. В 1714 году поселились в Ниеншанце новые жители, высланные по указу Петра из других городов Российской империи. Большая часть таких жителей были плотники⁷. Многие из них завели торги лесные. Поселились они на том месте, где раньше было шведское строение, по берегу

вниз Невы-реки, другие построили себе дворы повыше города, на том месте, где было шведское наружное крепостное строение. Слобода эта теперь Малая Охта, остатки же города Ниеншанца приходятся между Большой и Малой Охтой. Первое известие о построении Петербурга находим в «Ведомостях» 1703 года⁸: «Его царское величество по взятии Шлотбурга, в одной миле оттуда ближе к восточному морю, на острове новую и zelo угодную крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков, и тое крепость на свое государское именование прозванием Петербургом обновити указал». Земляными работами занимались пленные шведы, а также присланные из внутренних губерний как русские, так и татары, калмыки и другие инородцы, разделенные на две категории: казенные рабочие получали только пищу, а вольные и плату, по три копейки в сутки. По недостатку землекопных орудий и других инструментов бóльшая часть работ производилась голыми руками, и вырытую землю люди носили на себе в мешках или даже в полах платья.

Государь положил первый камень постройке 16 мая 1703 года, в день Св. Троицы⁹. Вот предание об основании города. Петр I, осматривая остров, взял у солдата багинет¹, вырезал два дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу»; затем, взяв заступ, первый начал копать ров; в это время в воздухе появился орел и стал парить над царем. Когда ров был выкопан около двух аршин, в него поставили ящик, высеченный из камня; духовенство этот ящик окропило святою водою, государь поставил в него золотой ковчег с мощами св. апостола Андрея Первозванного; после того царь покрыл ящик каменною доскою, на которой была вырезана следующая надпись: «От воплощения Иисуса Христа 1703, мая 16-го,

¹ Багинет — штык.

основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем всероссийским». Затем государь приступил к обложению другого раската; здесь было сделано из двух длинных тонких берез, воткнутых в землю и связанных верхушками, нечто вроде ворот. Парящий над островом в это время орел спустился с высоты и сел на этих воротах; ефрейтор Одинцов снял его выстрелом из ружья. Петр очень был рад этому, видя в нем доброе предзнаменование; перевязал у орла ноги платком, посадил себе на руку и, сев на яхту с орлом в руке, отплыл к Канцам; в этот день все чины были пожалованы столом, веселье продолжалось до двух часов ночи при пушечной пальбе.

Островок, на котором Петр создал крепость, назывался Енисари, т.е. Заячий. Вместе с этим государь предназначил быть и городу на соседнем острове Койвисари (Березовом), а на другом острове Хирвисари (Оленьем), где теперь биржа, воздвигнул батарею. Спустя год на этом мысе, называемом Стрелкою, были построены первые ветряные мельницы; и затем летом здесь сжигались увеселительные огни, или фейерверки. 22 июня 1703 года вся гвардия и полки, стоявшие в Ниеншанце, перешли в крепость, где 29 июня, в день св. Петра и Павла, и был отправлен банкет уже в новых казармах. Спустя два месяца по закладке Петербурга Петр ходил оттуда с войсками против шведского генерала Краниорта и разбил его на реке Сестре¹⁰. В ноябре этого же года к крепости пришел первый купеческий голландский корабль с винами и солью. Петр в награду за приход к Петербургу подарил капитану 500 золотых, а матросам дал по 30 ефимков¹ и обещал второму кораблю дать 300, а третьему 150 золотых. Второй корабль был английский, а третий опять голланд-

¹ Е ф и м о к — русское название европейской серебряной монеты талер в XVI — XVII вв.

ский, под названием «Daas». Первый корабль был назван «Петербургом», ему даны были особенные преимущества перед прочими, и он совершал лет пятьдесят к Петербургскому порту рейсы. До Полтавского боя государь не думал здесь устроить столицу и только предполагал создать порт и сильную крепость, но после Полтавской битвы он писал графу Апраксину: «Ныне уже совершенной камень во основание Санктпетербурха положен с помощью Божиею». Победа над шведами уверила Петра, что он стал твердо на берегах Невы, и с этого времени Петр деятельно занялся постройкой нового города.

Грунт земли, на которой построен Петербург, как известно, болотистый, хотя ранее вся местность, где расположен был город, была возделывана под пашни. Так, еще в 1713 году повсюду были приметны борозды плугов, дорога к городу тоже была топкая и очень плохая, шла она по направлению, где теперь Литовский канал, и весь путь весною и осенью был усеян лошадьми, павшими в упряжи между трясинами. В 1718 году была сделана плотина, где теперь улицы Литейная и Сергиевская, а также Смольный собор, но и это не помогло, плотина скоро пришла в запустение. Немного далее от первой дороги шла другая, тоже плохая, к Ямской слободе; она пересекала Фонтанку между Обуховским и Семеновским мостами. По словам Вебера, в 1720 году она была уже вымощена. Окрестности Петербурга не имели ни дорог, ни тропинок, на всю страну существовал тоже один или два пути, и если путешественник не попадал на него, то встречал тундру или болото.

По рассказам современников, во времена Петра в Петербурге если нужно было найти чью-либо квартиру, то необходимо было описать местность, причем расспросам не было конца, пока не попадался сосед, хорошо знавший дом. Берггольц рассказывает, что в его время, чтобы избавиться длинных переходов сухим путем, обычно брали барки или верейки и водою доезжали скорее и удобнее.

Мощение улиц камнем было начато в 1716 году под руководством немецких каменщиков; в этом году вышло предписание, чтобы всякий домовладелец перед своим домом мостил улицу шириною в сажень; через год ширина улиц была увеличена на два аршина. Вскоре, впрочем, мощение улиц было приостановлено вследствие ходивших тогда слухов по городу, что через улицы предполагается, в подражание Венеции и Амстердаму, прорыть каналы. Мощение главных петербургских улиц было окончено только в 1787 году. Тротуары же из каменных плит начали настилать, как и обставлять их чугунными тумбами, только в 1817 году (вся длина тротуаров в шестидесятих годах составляла линию в 222 версты); до этого времени на главных улицах лежали узкие деревянные мостки.

Первое строение в Петербурге была крепость. «Для одного строения, — как говорит в своем журнале Гизен, — для поспешения в работе по бастионам надсматривали знатные особы: на первом, для примера других, сам Петр своею высокою особою, на втором — генерал-губернатор А. Д. Меншиков, на третьем — обер-камергер Головин, на четвертом — Никита Зотов, на пятом — князь Трубецкой, на шестом — Кир. Ал. Нарышкин». Укрепление составляло продолговатый неправильный шестиугольник; с 1710 года землю с прежних бастионов стали раскидывать и возводить массивные стены из камня; над бастионами трудились шведские военнопленные; во флангах были сделаны крепкие казематы со сводами. Некоторые из этих казематов первоначально нанимали купцы, которые хранили там вино и другие товары, но с февраля 1718 года крепостные казематы стали наполняться политическими преступниками, замешанными в деле царевича Алексея. 25 мая привезена в крепость царевна Марья Алексеевна, тетка царевича, а 14 июня и он сам переведен в Трубецкой раскат. 26 июня, вечером, в Трубецком раскате царевич скончался.

Внутри крепости стояло несколько небольших домиков, в которых помещался комендант с офицерами и солдатами гарнизона, при гауптвахте была площадь, которая называлась плясовою: здесь стояла деревянная лошадь с острою спиною и был вкопан столб с цепью, около которого втыкались острые спицы. Провинившихся солдат или садили на лошадь, или, замкнув руки в цепь, заставляли стоять на спицах¹¹. Первым комендантом крепости был Рен, обер-комендантом — Брюс. В крепости находилась главная аптека и помещался в мазанковом здании переведенный из Москвы Сенат (на месте, где теперь казначейство) и стояла довольно красивая церковь во имя Петра и Павла, сперва деревянная, потом, уже в 1714 году, начата постройка существующего и посейчас каменного Петропавловского собора, деревянная же церковь перенесена была на Петербургскую, в Солдатские слободы, и освящена там во имя апостола Матфия. На Березовом острове, на берегу Невы (нынешняя Петербургская), Петр построил небольшой домик для себя. По преданию, при первом обозрении места под столицу Петр, идя пешком вверх по берегу Невы, топором ссек ракитовый куст, затем, немного прошедши, еще ссек другой куст; затем, сев на шлюпку, отъехал рекою в Канцы; на том месте, где ссечен второй куст, построен вскоре первоначальный дворец Петра, а на месте первого ракитового куста, впервые срубленного, государь 1 октября 1703 года, в день Покрова Богородицы, положил основание нынешнему собору Св. Троицы. Вскоре после постройки домика для царя возле него стали строить свои палаты и его приближенные. Так, недалеко от домика Петра стоял дом Меншикова, а отсюда, по левому берегу Большой Невки, располагались шалаши и хижины рабочих; недалеко отсюда был и первый Гостиный двор¹². Направления и названия многих улиц этой части Петербургской стороны и посейчас могут определить расположение и заселение города на первых порах его суще-

ствования. Улицы¹³ Дворянская, Посадская, Пушкарская, Ружейная, Зелейная, Монетная¹⁴ и т. п. своими названиями указывают на состав их населения, на роды занятий жителей и проч.

К важнейшим из произведенных в это время построек в Петербурге нельзя не причислить построенного на Выборгской стороне (повыше госпиталя) первого сахарного завода.

С 1711 года начинается усиленное заселение Петербурга. Первые жилища столицы строили в один этаж, или жильё, как тогда говорили. Образчиком для домов петербургских послужил мазанковый дом, собственноручно построенный Петром I на Петербургской стороне для типографии; дом этот был назван «образцовым на прусский манер». По этому образцу было построено в 1714 году семь домов для чиновников Министерства иностранных дел.

Великий основатель Петербурга полагал расположить главную часть столицы за крепостью, на правом берегу Невы, из Васильевского острова сделать торговую часть города, прорезанную каналом, вроде Амстердама¹⁵. Кстати, здесь надо сказать, что название Васильевского острова произошло не от имени командира батареи острова Василия Корчмина, как полагали многие, но еще гораздо ранее, а именно в 1640 году, в писцовых новгородских книгах этот остров носил название Васильевского¹⁶. На левом же берегу Петр предполагал поместить разные учреждения для флота и полковые светлицы.

Император в своих занятиях был скор и неутомим. Вот как описывает его рабочий день иностранец, бывший в Петербурге в 1713 году: «Государь встает очень рано, так что в три и четыре часа утра присутствует в Тайном совете. Потом идет на верфь, где смотрит за постройкой кораблей и даже сам работает, зная это мастерство превосходно. В девять или десять часов занимается токарной работой, в которой так искусен, что решительно ни од-

ному художнику не уступит. В одиннадцать часов кушает, но не любит прохлаждаться за столом, а после обеда, отдохнув немного по русскому обычаю, идет опять смотреть какую-либо постройку или другую работу. Вечеру отправляется куда-нибудь в гости или на ужин, откуда, однако, спешит возвратиться, чтобы ранее лечь в постель. Петр любил ходить к своему мундкоху-шведу¹, куда собираются знатнейшие господа и офицеры, русские и немцы, за угощение каждый платит по червонцу. Царь не любит никаких игр и охоты или других увеселений. Лучшее его удовольствие — быть на воде. Вода составляет его настоящую стихию, он целый день иногда проводит на яхте, буере или шлюпке, в этом он никому не уступает, разве только одному адмиралу Крюйсу. Однажды, когда Нева уже почти замерзла и незамерзшей воды осталось только перед дворцом на сто шагов, он не переставал, однако, плавать взад и вперед в каком-то кораблике до тех пор, пока было возможно. Когда Нева совсем замерзла, то он приказал вдоль берега прочистить дорогу шагов на сто в длину и на тридцать в ширину и здесь каждый день катался на гладком льде на буере. Лица, все служащие во флоте, если имеют до него просьбу, то должны говорить ему не ваше царское величество, а *Mon Heer Schout by Nacht*, после чего он выслушивает и просителя отсылает к адмиралу».

Позднее при Петре Великом в Петербурге бывала особая церемония при замерзании и вскрытии реки Невы. Замерзание возвещалось жителям через одного из придворных шутов барабанным боем. Он же был обязан прежде всех перейти по льду в каком-нибудь странном наряде, в сопровождении нескольких членов, из которых один нес холщовое знамя, а другие следовали с лопатами, веревками и крючками. О вскрытии Невы возвещалось тремя пу-

¹ Мундкох — придворный служитель, заведующий кухней (нем.).

шечными выстрелами из крепости, и первый переезжал Неву сам царь или, в его отсутствие, генерал-адмирал или комендант города.

Один из членов польского посольства, посетивший Петербург спустя 17 лет по постройке города¹⁷, говорит следующее: «Здесь всякий сенатор, министр и боярин должен иметь дворец; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастливым был тот, кому отведено сухое место, но кому попалось болото и топь, тот порядком нагрел себе лоб, пока установил фундамент; еще и теперь хотя дома и отстроены, но они трясутся, когда около них проезжает экипаж. Здесь есть церкви, коллегии, дворцы и лавки, где можно получить все. Лавки — это четырехугольное строение, в котором как по одну, так и по другую сторону живут купцы. Дворцы громадные, каменные, с флигелями, кухнями и удобствами, но только они наскоро построены, так что при малейшем ветре валятся черепицы. Сады очень красивые. Я слышал от самого царя, который сказал нам: “Если проживу три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля”. И в самом деле, сюда привезена для сада морем из Венеции даже целая беседка из алебаstra и мрамора, расположенная у самой реки между каналами. За дворцом Меншикова находится Французская улица, где живут одни ремесленники, как то: скульпторы, плотники, мастера, делающие фонтаны, а также и те, которые выделывают разные вещи из олова и других металлов, но все это для царя. На берегу Невы есть длинный двухэтажный каменный дом, в котором шесть комнат внизу и столько же наверху. С одного берега до самого дома проложен мост, на котором находится избушка и балкон столярной работы. В каждой из комнат этого дома стоят станки для выделывания полотна. На противоположной стороне реки есть другое здание, где выделывают крахмал. Есть два стрельбища, где учат стрелять из пушек» и т. д.